

ГЛАВА 7. ПУТЕШЕСТВИЕ НА ВОСТОК: ВОСТОЧНЫЙ ПАНТЕИСТИЧЕСКИЙ МОНИЗМ

И все это вместе: голоса, цели, жажда осуществления, желания и муки - все это было потоком свершений, музыкой жизни. ...Великая песнь тысячеголосой реки состояла лишь из одного-единственного слова: «АУМ» - «совершенство».

Германн Гессе**Сиддхартха*

Прослеживая ход западной мысли, мы достигаем тупика. Натурализм ведет к нигилизму, а тот нелегко преодолеть, если учитывать условия, которые готов принять западный мир, пропитанный натурализмом. Мы уже видели одну из таких попыток — атеистический экзистенциализм, но с ним связаны некоторые довольно серьезные проблемы. Можно выбрать теизм, однако натуралиста он не привлекает. Как можно принять существование бесконечного, личного, трансцендентного Бога? На протяжении целого столетия этот вопрос был серьезной преградой. И сегодня многие не готовы расстаться со своим натурализмом, так как видят в нем решительный шаг вперед по сравнению с той мифической религией, которая ими не признается. Более того, современный христианский мир с его церквями и отсутствием сострадания не слишком свидетельствует о жизнеспособности теизма. Похоже, что такой путь ничего не дает.

Возможно, надо вернуться к натурализму и поискать ошибку? Прежде всего мы выясняем, что если рассуждать логически, натурализм ведет к нигилизму. Однако вовсе не обязательно оставлять натурализм. Можно только сказать, что разуму нельзя доверять. Экзистенциализм уже пошел по этому пути, и, быть может, теперь нам надо просто дойти до конца. Во-вторых, мы, западные люди, привыкли спорить о разного рода «учениях», идеях и так далее, так не наложить ли нам мораторий не только на эти споры, но и, вообще, на всякие интеллектуальные различия? Быть может, надо считать истинным всякое «полезное» учение?

В-третьих, если все наши усилия что-то изменить, управляя вселенной, приводят только к ухудшению экологической ситуации, а наши попытки социальных преобразований ничего не дают, то не оставить ли нам все это? Прекратим действовать и улучшим нашу жизнь, просто существуя и ничего не предпринимая. В конце концов, если западные споры превращаются в вооруженные конфликты, то почему бы не отступить раз и навсегда? Пусть все идет само собой. Разве это хуже, чем то, что мы имеем сейчас? А может, какой-то лучший путь есть у Востока?

Рассматривая эту Проблему в социальном плане, можно отметить, что в шестидесятых годах нашего столетия интерес к Востоку проявился в том, что молодое поколение начало отрицать традиционные ценности среднего класса. Во-первых, благодаря западной технологии (то есть практическому применению достижений разума) стали возможны современные военные действия, что привело к вьетнамской

войне (молодежь не была свидетелем более ранних конфликтов). Итак, давайте оставим разум.

Во-вторых, западная экономика создала глубоко несправедливые условия жизни и привела к экономическому угнетению значительного количества людей. Поэтому давайте отвергнем предпосылки, из которых развилась такая система. В-третьих, сложилось впечатление, что западная религия весьма серьезно поддерживает тех, кто осуществляет контроль за технологией и структурой экономики. Поэтому постараемся не попасть в эту ловушку.

Таким образом, можно сказать, что крен в сторону восточной мысли, в первую очередь, представляет собой отход от мысли западной. Запад бьется в лабиринте противоречий, совершает интеллектуальное самоубийство и его преследует призрак нигилизма, стоящий за каждой нашей мыслью. Разве нет другого пути?

Да, есть, и это путь совершенно иной. Восток, с присущим ему антирационализмом, синкретизмом, квиетизмом, отсутствием технологий, простым жизненным укладом и совершенно иной религиозной структурой, становится весьма привлекательным. Кроме того, у него даже более долгая традиция, чем у Запада.

Существуя бок о бок с нами на протяжении многих веков, он научился совершенно по-другому смотреть на мир. Быть может, именно Восток, эта спокойная страна с ее медитирующими гуру и простой жизнью, даст нам ответ в нашем страстном стремлении обрести смысл и значимость?

И вот в течение целого столетия восточная мысль заполняет Запад. Переводятся индуистские и буддийские тексты, которые сейчас имеют хождение в недорогих изданиях. Среди представителей Востока особенно активно способствовал распространению восточной мудрости в западных публикациях Д.Т.Судзуки, а что касается самого Запада, то здесь можно упомянуть Аллана Уотса, освоившего дзэн и затем вернувшегося домой, чтобы учить ему своих соотечественников. Интересно узнать, как много молодых людей западного мировосприятия начали с романа Сэлинджера *«Над пропастью во ржи»*, чтобы затем перейти к *«Фрэнни и Зуи»* и, наконец, еще серьезнее увлечься дзэном. Так или иначе, но в шестидесятых годах исследования по Востоку стали доступными и для неподготовленного читателя. За два с лишним десятка лет индийские гуру исколесили Соединенные Штаты и Европу. Теперь приобщение к восточной мудрости не составляет проблем, и Запад все с большей готовностью принимает ее восприятие реальности

ОСНОВЫ ВОСТОЧНОГО ПАНТЕИСТИЧЕСКОГО МОНИЗМА

Если пробежать глазами заголовки пятитомной *«Истории индийской философии»* Сирендраната Дасгупты, то каждому станет ясно, что восточная мысль так же богата, как и западная, и ее столь же трудно определить и классифицировать². Я ограничусь описанием пантеистического монизма — самого популярного на Западе восточного мировоззрения. Оно лежит в основе Адвайты-веданты, основателем которой был

Шанкара, трансцендентальной медитации МахаришиМахет Йоги, большого количества Упанишад, некоторых буддийских сочинений (особенно тех, которые следуют традиции дзэн), а также тех воззрений, которые столь прекрасно сумел уловить Герман Гессе в своем рассказе «*Сиддхартха*».

От других восточных мировоззрений пантеистический монизм отличается именно своим монизмом (согласно которому в основе реальности лежит лишь одна безличная стихия). Учение кришнаитов с ним не согласуется, поскольку, несмотря на множество общих черт, между ними есть одно существенное различие: у кришнаитов реальность осмысливается как предельно личностная (и здесь есть сходство с теизмом, совершенно отсутствующее в Адвайта-веданте).

Надеюсь, что эти таинственные замечания впоследствии прояснятся, однако вначале нам придется стать еще загадочнее.

1. Атман — это Брахман, то есть душа каждого человека является Душой космоса.

Атман (сущность, душа любой личности) — это Брахман (сущность, Душа всего мироздания). Что такое человек, что лежит в основе всякого из нас? Каждый человек — это нечто всеобъемлющее. Любая личность — Бог (звучит смело, но вполне согласуется с восточным ходом мысли).

Попытаемся определить природу Бога, исходя из пантеистической терминологии. Бог — это единая бесконечно безличная верховная реальность, то есть космос. Бог — это все, что существует. Ничто не может существовать, не будучи Богом. Если появляется нечто, отличное от Бога, то это майя, иллюзия, бытие которой неподлинно. Иными словами, все, что имеется как отдельный объект (этот стул, а не тот, эта скала, а не то дерево, я, а не ты) — иллюзия. Мы реальны не в нашей обособленности, но в нашем единстве: мы — это Брахман, а Брахман — это все. Да, Брахман — это Единый.

Конечная реальность вне различий, она просто существует и все. По сути дела (и мы это увидим, когда перейдем к гносеологии), природу такого единства нельзя выразить в языке. Мы можем только «осознавать» его, становясь им, улавливая наше собственное единство, нашу собственную «божественность», и пребывая в нем вне каких бы то ни было различий.

Для западного человека такая методология непривычна.

Мыслить — значит различать. Сами законы мышления требуют этого: А есть А и в то же время А не является не- А. Постигать реальность — значит отличать одно от другого, определять его, классифицировать, признавать его тонкую связь с другими объектами в космосе. На Востоке «постигать» реальность означает выходить за пределы различия, «осознавать» единство всего сущего через свое собственное единство с ним. Эту мысль (насколько ее можно постичь разумом) лучше всего выражать косвенно. *Упанишад*ы изобилуют попытками косвенным образом выразить невыразимое в притчах. 5

— Принеси мне плод от этого баньяна¹.

— Вот он, отец.

— Надломи его.

— Он надломлен, господин.

— Что ты видишь в нем?

— Очень маленькие семена, господин,

— Разломи одно из них, сын мой.

— Я разломил, господин.

— Что ты видишь в нем?

— Ничего, господин.

«Сын мой, — говорит далее наставник, — из самой сущности этого семени, которую ты не можешь видеть, поистине возникает это огромное дерево. Поверь мне, сын мой, невидимая и тонкая сущность — это Дух всей вселенной. Такова реальность. Таков Атман. И ТАКОВ ТЫ САМ»³.

Итак, мы видим, как «отец», гуру, учит своего «сына», человека, только что ставшего на путь духовного постижения, что он представляет собой верховную реальность. И тем не менее каждый из нас, как на Востоке, так и на Западе, постигает имеющиеся различия. Мы не «осознаем» нашего единства, и это приводит нас к второму тезису.

2. Некоторые вещи более едины, нежели другие.

Мы как будто начинаем говорить еще таинственнее и уже ничего не понимаем, однако не стоит отчаиваться. Восточная мысль именно такова.

Говорить, что есть нечто более единое, нежели другое, — значит иначе выразить мысль, согласно которой реальность представляет собой иерархию явлений. Итак, некоторые явления или иллюзии ближе других к единству с Единым. Восточная иерархическая структура в значительной мере похожа на ту, которую (правда, по другим соображениям) мог бы выстроить и западный человек. Чистая и простая материя (то есть неорганическая) обладает наименьшей реальностью, затем идет растительный мир, потом животный и, наконец, человек. Однако человечество тоже иерархично. Одни люди ближе к единству, чем другие. Совершенный учитель, Будда, гуру, — это самые близкие к чистому бытию люди.

Складывается впечатление, что в какой-то мере принципом иерархического деления здесь является сознание. Можно предположить, что именно оно необходимо для того, чтобы «осознать» единство, однако позднее мы увидим, что, когда некто обретает единство с Единым, сознание полностью исчезает, и он просто становится бесконечно безличным Существом. Как и в технике медитации, сознание — это еще одна вещь, которую надо отбросить, когда она перестает быть полезной⁴. Однако

1 Баньян - баниан - название двух индийских видов фикусов огромных размеров - прим. ред.

чистая материя еще дальше от осознания собственного единства, чем человек, и с этим приходится считаться.

Максимальное осознание иллюзорности нашего окружения — это осознание того, что материя — тоже иллюзия. Несмотря на то что ее сущность тоже Атман, сама она не такова, хотя должна такую *быть*. Здесь нам надо проявить осторожность и воспринимать в контексте «морали» мысль, согласно которой все мироздание должно быть едино с Единым. В данном случае речь идет лишь о том, что само бытие стремится к такому единству. Единое — это конечная реальность, и все, что не с Единым, просто не представляет собой чего-то реального.

Все, что не с ним, конечно, не представляет собой и чего-то значимого и ценного, но гораздо важнее, что оно, вообще, не является бытием.

Итак, мы возвращаемся к нашему первому тезису: некоторые вещи более едины, то есть более реальны, чем другие. Естественно возникает вопрос: каким образом индивидуальное, обособленное существование обретает единство с Единым?

3. Многие (если не все) пути ведут к Единому.

Для того чтобы обрести единство с Единым, не надо искать какой-то один истинный путь: есть много дорог, которые ведут от майи к реальности. Я могу пойти по одной, ты — по другой, твой друг — по третьей, и так до бесконечности. Дело не в том, чтобы всем вместе идти по одной тропе, но в том, чтобы, идя своей дорогой, двигаться в верном направлении. Таким образом, речь идет о необходимости правильной ориентации.

Ориентация — это не столько вопрос вероучения, сколько соответствующей техники, и в этом Восток непреклонен. Идеи не имеют значения⁵. Мы можем лишь изредка соглашаться между собой в том, что есть истина по отношению к нам самим, внешнему миру и религии. Дело не в этом. Осознание собственного единства с Единым — это вопрос не веры, а техники, причем даже она не бывает одной и той же.

Есть гуру (такие, например, как МахаришиМахеш Йоги), советующие произносить мантру: бессмысленное, на первый взгляд, санскритское слово, которое духовный учитель выбирает и тайно передает посвященному. Другие советуют медитировать, используя мандалу — сложно структурированный, нередко очень привлекательно украшенный образ в форме круга, который символизирует всю реальность в ее совокупности. Третьи призывают к созерцанию дзэнских коанов или хайку до тех пор, пока не наступит состояние сатори, то есть внезапное переживание просветления и единения с Единым. И, наконец, четвертые требуют непрерывного повторения молитв и выражений почитания.

Почти все эти приемы предполагают покой и уединение. Это не что иное, как методы медитирования, очищенного от посторонних мыслей. Медитирующий стремится «настроиться» на реальность, привести свою душу в состояние гармонии с космосом и, в конечном счете, с той непреложной, стоящей выше гармонии и двойственности первичной вибрацией, которая и есть Брахман, Единый.

Из всех «путей» наиболее распространенный и простой предлагает произнесение слова *АУМ* или фразы, которая его включает, например: «*АУМ Мане Падме Хум*». Как само это слово, так и более распространенная фраза, принципиально непереводимы, поскольку с интеллектуальной точки зрения они лишены всякого содержания.

Некоторые полагают, что под словом *АУМ* можно подразумевать такие слова, как «*да*», «*совершенства*», «*конечная реальность*», «*все*», «*вечное слово*». Согласно Махариши Махеш Йоги, *АУМ* — это «*зиздитель жизни*», «*начало и конец всего творения*», «*напев, являющийся первым безмолвным звуком, первой безмолвной волной, набегающей из безмолвного океана неявленной жизни*»⁶. Крисмес Хамфрейс поясняет, что *АУМ* — это «*первый слог тибетской формулы АУМ Мане Падме Хум, что на уровне внешнего смысла просто означает «приветствую сокровище > сокрытое в лотосе», а его внутренний СМЫСЛ — это смысл Вселенной*»¹.

По-видимому, в этом восточном учении СЛОВО *СМЫСЛ*, используется не так, как в теизме или натурализме. В данном случае речь идет не о рациональном содержании, а о метафизическом единении. Мы можем «*произносить*» *ЛУМ* а «*постигать*» его смысл только тогда, когда приобщаемся к Единому, когда формула «*Атман есть Брахман*» уже не просто высказывание, а реальное осуществление.

В Мандукье, одном из текстов Упанишад, об этом говорится так:

«*АУМ. Это вечное слово есть все: все, что было, что есть, что будет и что превыше в вечности. Все есть АУМ*».

Брахман есть все, и Атман есть Брахман. Атман, «*Я*», имеет четыре состояния.

Первое — это бодрствующая жизнь устремляющегося вовне сознания, наслаждающегося семью внешними грубыми стихиями.

Второе состояние — это грезящая жизнь сознания, устремляющегося вовнутрь и вкушающего семь тонких внутренних стихий в своем свете и уединении.

Третье состояние есть спящая жизнь безмолвного сознания, когда человек ничего не желает и не созерцает никаких сновидений. Это состояние глубокого сна есть единое единство, глыба безмолвного сознания, сотворенного из покоя и наслаждающегося им.

Это безмолвное сознание обладает всемогуществом, всеведением, оно есть внутреннее мерило, источник всего, начало и конец всех.

Четвертое состояние есть Атман в своем собственном чистом бытии: пробужденная жизнь высшего (чистого) сознания. Это не внутреннее сознание и не внешнее, не полусознание, не спящее сознание, не сознание и не бессознательное. Это Атман, сам Дух, которого нельзя ни видеть, ни осязать, который выше всякого различия, выше мысли и невыразимого. В единении с ним — высшее доказательство его реальности. Он — конец развития и недвойственность. Он — мир и любовь.

Этот Атман есть вечное Слово *АУМ*. Три его звука, *А*, *У* и *М* суть три первых состояния сознания, и эти три состояния суть три звука.

Первый звук *А* есть первое состояние бодрствующего сознания, присущее всем. Он

— в словах *Апти*, «достигающий», и *Адиматвам*, «первобытийствование». Знающий его поистине достигает всех своих желаний и во всем первенствует.

Второй звук *У* есть второе состояние грезящего сознания. Он — в словах *Уткарша*, «возникновение», и *Убхайатвам*, «обоюдность». Знающий его воздвигает ведение и достигает равновесия. У него никогда не родится незнающий Брахмана.

Третий звук *М* есть третье состояние спящего сознания. Он — в слове *Мити*, «мера», и в корне *Ми*, «завершать», что дает *Апти*, «окончательное завершение». Знающий его все измеряет своим умом и достигает окончательного Завершения.

Слово *АУМ* как единый звук есть четвертое состояние высшего сознания. Он превыше чувств и есть конец развития. Он есть недвойственность и любовь. Он устремляется собою к Высшему, которое знает это, знает это»⁸.

Я привел этот текст целиком, потому что в этом, относительно коротком отрывке, содержится несколько ключевых идей. В настоящий момент меня больше всего интересует само слово *АУМ* и то, каким образом оно представляет конечную реальность. Когда мы его произносим, мы не пытаемся сообщить какое-то логическое содержание. *АУМ* означает нечто и в то же время все, и поэтому, выходя за пределы всякого различия, может не означать ничего. Произносить *АУМ* — это значит становиться или пытаться стать тем, что это слово символизирует.

4. Осознавая собственное единство с космосом, мы выходим за пределы нашей личности.

Вернемся на короткое время к нашему первому тезису и посмотрим, к чему он приводит, если посмотреть на положение человека в этом мире. Атман есть Брахман, а Брахман — это нечто единое и безличное, и потому Атман тоже безличен. Таким образом, мы приходим, к выводу: в своем наиболее истинном и наиболее полном бытии человек — безличен. Эта идея пантеистического монизма диаметрально противоположна теизму. В теизме личностная природа — самое главное, что можно сказать о Боге и человеке. Это означает, что индивид сложен по своей сути.

Личность имеет самосознание и способность к самоопределению, а оба эти качества, в свою очередь, предполагают два начала: мыслящего и то, о чем он мыслит.

Таким образом, в теизме Бог и человек представляют собой сложную структуру.

В пантеизме же основная мысль о Боге сводится к тому, что Бог — это нечто Единое, некая чистая абстракция, недифференцируемое и лишённое двойственности единство. Такая природа Бога делает его наиндивидуальным, и поскольку Атман есть Брахман, человек тоже выходит за пределы индивидуальности, так как, для того чтобы «осознать» собственное бытие, надо приобщиться Единому.

Обратимся еще раз к приведенному выше отрывку из Упанишад. В нем говорится, что Атман имеет «четыре состояния»: бодрствующее, грезящее, глубокого сна и «пробужденной жизни чистого сознания». Такая последовательность имеет важное значение. Более высокое состояние — это то, которое больше всего приближается к полному забвению, по мере того как от деятельности в нашей обыденной жизни во

внешнем мире мы переходим к миру грез, затем к полному бездействию и отсутствию сознания, характерному для глубокого сна, и, наконец, погружаемся в то состояние, название которого звучит как нечто обратное первым трем — «чистое сознание».

Затем мы видим, что «чистое сознание» не имеет ничего общего с привычным для нас типом сознания. «Чистое сознание» — это даже и не «сознание» (поскольку оно предполагает двойственность: совокупность осознающего субъекта и осознаваемого объекта), а полное приобщение к Единому. Даже самосознание предполагает двойственность в себе самом, однако «чистое сознание» — это не сознание, а подлинное бытие.

Разобравшись в этом, мы сможем понять, почему восточная мысль так часто ведет к квиетизму и бездействию. Быть не значит делать. Медитация — основной путь к обретению подлинного бытия, и, независимо от ее техники, она представляет собой то, что необходимо освоить, чтобы обрести покой. Теперь мы начинаем понимать загадочную улыбку Будды, который, углубившись в созерцание, сидит под деревом, ничего не видя, не слыша и ни на что не обращая внимания. Он вошел в Единое; он стал просветленным; он достиг покоя.

5. Осознавая свое единство с космосом, мы выходим за пределы познания. Принцип непротиворечивости неприменим к конечной реальности.

Из формулы «Атман есть Брахман» следует также, что в своей сущности люди выходят за пределы познания. Как и индивидуальность, познание предполагает двойственность: познающего и познаваемого. Однако Единый выше этой двойственности, поскольку представляет собой абсолютное единство. В приведенном нами тексте говорится: «Это Атман, сам Дух... который выше всякого различия, выше мысли и невыразимого». Иными словами, *быть* не значит постигать.

В рассказе «Сиддхартха» — наверное, самом «восточном» рассказе, вышедшем из-под пера западного человека — Герман Гессе описывает, как эту мысль излагает главный герой, Сиддхартха, достигший просветления.

«Знание можно передать, мудрость же - никогда. ...Противоположность любой истины — также истина! А именно: выразить словами, обозначить можно лишь одностороннюю, одностороннюю истину. Односторонне все, что доступно мысли и может быть названо словом, — все это половинчато, лишено целостности, законченности, единства»⁹.

Довод довольно прост. Реальность едина. Язык же предполагает двойственность, и даже не одну (говорящий и слушающий, субъект и предикат); таким образом, язык не может выразить истину о реальности. Хуан Маскаро поясняет, что это значит применительно к учению о Боге:

«Когда мудрецу из *Упанишад* надо дать определение Бога, он пребывает в молчании, давая понять, что Бог — это безмолвие. Когда же его еще раз просят, чтобы он рассказал о Боге, он произносит: «Нети, нети», то есть «не это, не это», однако, когда его просят дать утвердительное объяснение, он изрекает величественные слова:

«ТАТ ТВАМ АСИ», то есть «Ты есть Тот» ¹⁰.

Конечно же, это так! С такой мыслью мы уже встречались, когда рассматривали третий тезис. Теперь нам становится еще понятнее, почему восточный пантеистический монизм нельзя назвать вероучением. Никакое учение не может быть истинным. Возможно, какое-то окажется полезнее других, помогая субъекту достичь единства с космосом, однако дело не в этом. Иной раз ложь может оказаться действеннее. Мы, однако, опять впадаем в заблуждение, поскольку опять начинаем рассуждать как западные люди. Если нельзя сделать никакого истинного утверждения, то нет и лжи. Комментируя эзотерический символизм, характерный для тантрического направления в индуизме, Алекс Комфорт пишет: «Древние и современные индуистские толкования отличаются друг от друга, и тем не менее и те, и другие ортодоксальны» ¹¹. Иными словами, истина как философская категория просто исчезает, и единственным различием остается полезность. Короче говоря, мы опять возвращаемся к технике, которой на Востоке уделяют особое внимание.

6. Осознавая свое единство с космосом, мы выходим за пределы добра и зла, а космос каждый миг сохраняет свое совершенство.

Мы подошли к довольно рискованной теме. Это одно из самых уязвимых мест восточного пантеизма, поскольку человек, как известно, не хочет расставаться с моралью. Люди продолжают действовать, как будто одни поступки — правильны, а другие — нет. Более того, идея карм в восточной мысли — почти универсальна.

Согласно этой идее, наша нынешняя-судьба, наши удовольствия и страдания, тот факт, что кто-то из нас — царь, а кто-то — раб или комар, — есть результат наших прошлых поступков, особенно в нашем предыдущем существовании. Таким образом, идея кармы связана с понятием о перевоплощении, вытекающим из основного принципа, согласно которому ничто из того, что реально, то есть никакая душа, не может перестать существовать. Чтобы найти обратный путь к Единому, могут потребоваться века, но душа никогда не перестанет быть. Всякая душа вечна, так как это не просто душа человека, но Душа как таковая и, следовательно, вечное Единое. Однако на своем пути к Единому она проходит через всевозможные иллюзорные формы существования, которые обусловлены ее прошлым. Карма — это восточный вариант поговорки «что посеешь, то и пожнешь», причем она предполагает строгую непреклонность. Если вы «согрешили», то у вас нет никакого Бога, который мог бы забыть ваш долг и простить вас. В исповеди нет никакой пользы, грех надо «отработать», и он будет «погашен». Человек может определять свои будущие действия, и, таким образом, карма не предполагает детерминизма или фатализма ¹².

Из всего сказанного складывается впечатление, что вселенная имеет нравственную основу. Человек должен делать добро. Не делая этого, он примет на себя все последствия своего неделания, если не в этой жизни, то в следующей, причем, возможно, даже станет более низшим существом. Можно сказать, что идея нравственной основы вселенной — это то, что действительно есть у Востока.

Однако необходимо сделать два замечания. Во-первых, основа доброделания не в том, чтобы добро было сделано и кто-то получил от этого пользу. Карма предполагает, что всякая душа должна страдать за свои прошлые «грехи» и поэтому нет никакого смысла в облегчении страданий. Душе все равно придется страдать позднее, следовательно, нет никакой любви-дружбы, любви-самопожертвования, да и никакая из этих форм любви не принесла бы блага другому человеку. Человек совершает добрые дела, чтобы приобщиться к Единому. Таким образом, доброделание — это, прежде всего, действие, рассчитанное на помощь самому себе. Во-вторых, всякий поступок — это всего лишь часть иллюзорного мира. Единственная «реальная» реальность — это реальность конечная, которая не предполагает различия и, следовательно, выходит за пределы добра и зла.

Брахман выше добра и зла, и вот что говорит красноречивый Сиддхартха:

«Мир, друг Говинда, не есть нечто несовершенное, чему предстоит долгий путь к совершенству, законченности. Напротив, он всегда был, есть и вечно пребывает совершенным, каждый грех заключает в себе прощение, каждый ребенок носит в себе старца, в каждом младенце притаилась смерть, в каждом умирающем сокрыта вечная жизнь. ...Вот почему все, что есть, и кажется мне прекрасным: в смерти я вижу жизнь, в грехе — святость, в безумстве — ум»¹³.

Итак, подобно правде и лжи, в конечном счете, добро и зло исчезают. Все вокруг — добро (это равносильно утверждению, что вообще нет никакого добра или что все вокруг — зло). Вор — это святой, и опять вор, и опять святой, и так далее...

Как же в таком случае относиться к тому, что люди Востока поступают так, словно их действия могут считаться хорошими или дурными?

Во-первых, там не меньше людей наивных и непоследовательных, чем на Западе. Во-вторых, теисты могли бы сказать, что люди — всегда люди, и они должны действовать так, как будто они Существа нравственные, поскольку такими они и созданы.

В-третьих, их якобы нравственные поступки могут совершаться из чисто эгоистических соображений: кому хочется опять стать комаром или камнем? В учении, которое не предполагает морали, эгоизм не рассматривается как нечто аморальное. Что касается упомянутого «Сиддхарт-хи», то в нем сказалось настроение самого Германа Гессе, который заставил своего героя как ни в чем не бывало заявить: «любовь представляется мне самым главным, наиважнейшим на свете»¹⁴. И Гессе, и КрисмесХамфрейс проводят ценностное различие, говоря, что лучше быть человеком просвещенным или просветленным, нежели обычным¹⁵. Таким образом, складывается впечатление, что многие из просвещенных руководствуются нравственными нормами, а не выводами своего собственного учения

Видимо, надо просто сказать, что некоторые люди «лучше», чем им это позволяет сознательно принятое ими мировоззрение.

7. Смерть — это конец индивидуального личного существования, однако она не вносит никаких существенных изменений в природу индивида.

Мы уже коснулись проблемы смерти в связи с кармой и перевоплощением, однако, как и во всяком другом мировоззрении, она заслуживает особого рассмотрения.

Смерть человека указывает на то, что индивидуальное воплощение в Атмане прекратило свое существование; кроме того, она указывает, что человек тоже перестал существовать, однако душа, Атман, остается неуничтожимой.

Когда натуралисты говорят, что не надеются пережить свою смерть, они не имеют в виду, что после их смерти атомы, составлявшие их тело, тоже разрушатся. Уничтожится их довольно сложная и уникальная структура и последовательные натуралисты готовы признать, что когда она разрушится, им наступит конец. Что-то продолжит свое существование (их атомы), но это будут не они.

Странно, но похоже, что Восток не стал бы возражать против такого вывода. Никакое человеческое существо не переживает своей смерти, не утратив индивидуальности или личностной природы. Атман остается и после смерти, но он безличен. Воплощаясь заново, он принимает форму другой личности. Можем ли мы сказать, что пантеистический монизм учит бессмертию души? Да, это так, но в своем отрицании личного и индивидуального бессмертия он доносит до нас отголоски натурализма.

Конечно, для восточного человека личность и индивидуальность — лишь иллюзия. Только Атман сохраняет свою значимость, и поэтому смерть — не такое уж большое событие: ведь ничто ценное не погибает; все, что имеет ценность, — вечно. Учитывая это, мы поймем, почему, с точки зрения западного человека, жизнь на Востоке стоит недорого. Жизнь в ее индивидуальном воплощении (этот мужчина, та женщина, вы, я) никакой ценности не имеет.

Однако, по существу, любое индивидуальное воплощение обладает бесконечной ценностью, поскольку в своей сущности оно бесконечно.

Для западного человека, обратившегося к Востоку в поисках смысла и значимости, все это может иметь последствия, которые нельзя не учитывать. Его, привыкшего ценить индивидуальность и личность (неповторимую самобытность индивидуальной человеческой жизни), восточный пантеистический монизм приведет к тяжелому разочарованию.

8. Осознавая свое единство с Единым, мы выходим за пределы времени. Время нереально. История циклично.

В «Сиддхартхе» один из основных художественных образов - река. От нее Сиддхартха узнает больше, чем из всех поучений Будды или встреч со своим духовным отцом Васудевой. Кульминацией рассказа является место, где описывается, как Сиддхартха, склонившись над рекой, внимательно ее слушает:

«Сидхартха стал слушать внимательнее. Образ отца, образ сына, его собственный образ перемешались, слились; мелькнул и расплылся образ Камалы, и образ Говинды, и другие виденья, и, слившись воедино, обратившись в поток, они все устремились к единой цели, жадно, нетерпеливо, сквозь муки и страдания; и в голосе этой реки,

словно пламя, гудела тоска, звенела жгучая боль, неутолимая жажда. Река спешила к цели, Сидцхартха видел, как она торопилась, эта река, состоявшая из чужих и близких ему людей, из всех, кого ему довелось повидать, и из него самого; и все эти малые и большие волны спешили, страдали, тянулись к цели, к множеству целей — озеро и водопад, стремнина и море, — и каждая цель была достигнута ими, и за каждой следовала новая, вода обращалась в пар, поднималась в небо, обращалась в ливень, обрушивалась на землю, становилась источником, становилась ручьем, вырастала в реку, вновь спешила, вновь торопилась. Но страстный голос ее изменился — он не смолкал, по-прежнему тоскующий и мятежный, но в него уже влились другие голоса, добрые и злые, печальные и ликующие, сотни, тысячи голосов»¹⁶.

В конце концов все голоса, образы и лица смешались между собой: «И все это вместе: голоса, цели, жажда осуществления, желанья и муки — все это было потоком свершений, музыкой жизни. ...Великая песнь тысячеголосой реки состояла лишь из одного-единственного слова: «Аум» — «совершенство»¹⁷.

Именно в этот момент Сиддхартха достигает внутреннего единения с Единым, и на его лице сияет «ясность знания».

В этом отрывке, как и во всей книге, река становится образом космоса. Когда на нее смотришь, стоя на берегу, — она течет (то есть время существует), но если посмотреть на нее в целом (сначала небольшой источник, потом ручей, затем река, океан, вода, превратившаяся в пар, дождь и затем снова источник) то становится ясно, что она не движется (времени нет). Иллюзия движения возникает, когда смотришь на реку не с небес, а сидя на берегу. Время тоже циклично; история — это то, что вода в своем течении несет мимо берега. История призрачна, следовательно, там, где речь идет о реальности, она не имеет никакого смысла. А мы, люди, можем осознать сокрытое в нас божество и преодолеть историю.

Теперь мы сможем понять, почему на Востоке почти полностью игнорируется взгляд на историческую основу христианства, представленный западными христианами, которые уделяют истории столь пристальное внимание. Для человека на Западе очень важно, существовал Иисус или нет, творил ли Он чудеса, исцелял ли больных, умер ли и воскрес ли из мертвых. Если все это действительно было, то все эти странные, сверхъестественные события должны иметь огромный смысл. Может быть, именно благодаря этому можно убедиться и в существовании Бога. Для восточного умонастроения все эти доводы излишни. Сами по себе вчерашние события бессмысленны. Если в них нет смысла, определяемого по принципу «здесь и теперь», то сегодня они не имеют ко мне никакого отношения, если же есть — тогда то, что они когда-то свершились и стали историей, не имеет никакого значения. Восточные тексты полны эпиграмм, притч, легенд, рассказов, мифов, песнопений, хайку, гимнов, эпических поэм, однако в них нет почти никакой истории, то есть когда-то совершившихся и записанных событий, имевших место в неповторимом, пространственно-временном контексте.

Такой подход переиначивает весь иерархический порядок: уникальное не может быть реальным; реально только абсолютное и всеобъемлющее. Если история и имеет какое-то значение, то лишь на уровне мифа, поскольку миф уводит нас от частных и возносит к сущему.

Человеческая жизнь и стремление приобщиться к Единому тесно связаны с образами циклической замкнутости, колеса или великой мандалы. Сиддхартха говорит: «Куда же еще приведет меня мой путь? Этот нелепый путь, что петляет, как заяц, и, может быть, ведет меня по кругу? Пусть ведет, куда хочет, — я готов продолжать его»¹⁸. «Тропа Истины, — вторит Хуан Маскаро, — может представлять собой не параллельные линии, но хождение по кругу: пойдём ли мы направо или налево, мы все равно встретимся на вершине, несмотря на то что, казалось бы, начинали свой путь в противоположных направлениях»¹⁹.

Этот символ используется в «Сиддхартхе». Пути, по которым пошли Будда, Васудева, Сиддхартха и Говинда, встретились и пересеклись в разные времена, но тем не менее все они сошлись в одном месте. Для того чтобы несколько изменить образ, Гессе показывает, что на лицах Будды, Васудевы и Сиддхартхи сияет одна и та же улыбка²⁰. Все просветленные едины во всеобъемлющем единстве.

ВОСТОК И ЗАПАД: ПРОБЛЕМА ОБЩЕНИЯ

Циклическое движение истории, пересекающиеся дороги и, противоречие друг другу учения, зло, которое становится добром, знание-неведение, вечное время и реальность, которая нереальна, — все это движущиеся, парадоксальные и противоречивые маски, скрывающие Единое, [то может думать по этому поводу западный человек? Если он укажет на иррациональность всего этого, то человек Востока ответит, что он и не признает разум как категорию познания. Если скажет, что исчезает нравственное начало, ему возразят, что двойственность, которая необходима для различения, поистине достойна презрения. Если он отметит непоследовательность между поступками восточного человека, которые нравственно ориентированы, и его теорией, лишенной нравственного начала, ему ответят примерно так: «Последовательность хороша только для разума, который я уже отверг, и, кроме того, я еще не достиг совершенства. Освободившись от этого бремени кармы, я перестану поступать так, будто руководствуюсь нравственным принципом. Я вообще перестану действовать и буду только медитировать».

«Но если ты перестанешь есть, ты умрешь», — скажут ему. «Ну и что же? — ответит он. — Атман есть Брахман, а Брахман — вечен. Надо желать смерти!»

Нет ничего удивительного в том, что западные миссионеры так мало преуспели в своей работе с убежденными индусами и буддистами. Они говорят на разных языках, потому что у них нет почти ничего общего. Даже если ты понимаешь, что восточное мировоззрение требует особого стиля мышления, не похожего на западное, постичь его мучительно трудно. С другой стороны, многим, кто хотел бы* чтобы восточные люди

стали христианами (и, следовательно, теистами), кажется, что Востоку еще труднее осмыслить христианство как нечто уникальное и понять, что воскресение Иисуса Христа, совершившееся в определенном пространстве и времени, лежит в основе Божьей Благой вести.

Мне думается, что в обоих случаях надо прежде всего понять, что Восток и Запад исходят из очень разных предпосылок. Чтобы начать диалог, по крайней мере одна сторона должна учитывать, что ее предпосылки могут оказаться весьма непривычными, но чтобы могло состояться подлинно человеческое общение, об этом должны знать обе стороны. Пока диалог не зашел слишком далеко. Быть может, трудности, характерные для восточного мышления, которые кажутся столь очевидными западному человеку, пора признать и Востоку. Если Восток увидит, что представляет собой знание, нравственность и реальность с точки зрения западного теизма, он, возможно, поймет и привлекательность западного пути.

Однако все то, что Восток обычно усматривает в Западе, выглядит ужаснее самого Шивы, великого бога- разрушителя. Пожелавшему донести до восточного человека красоту истины во Христе придется серьезно потрудиться, чтобы развеять густой смог, порождаемый многочисленными уродствами западного империализма, войнами, насилием, алчностью и ненасытностью.

Но как чувствует себя западный человек, в поисках смысла пришедший на Восток? Многие рассеиваются по пути, пытаясь отыскать дорогу к нирване через наркотики, получают нагоняй, возвращаются домой, принимают дело, начатое отцом, и вновь вливаются в западную культуру. Восток остается где-то позади, ценимый чуть больше, чем борода, оставленная для того, чтобы при случае ее показать (и которая подрезается перед первым заседанием совета директоров и сбивается перед вторым). Другие ищут всю жизнь, а третьим, наверное, удастся отыскать нирвану, и они растворяются в созерцании. Однако многие просто умирают от истощения, дизентерии, мошенничества и Бог знает еще от чего. Кто-то терпит кораблекрушение прямо у берегов западного мира, и друзья не скоро признают в них людей, готовых к плаванию.

Два десятка лет подряд молодые и старые толпами идут к различным гуру. Книжные магазины переполнены книгами, указующими на Восток и, конечно же, решительно не приемлющими Запад. В одной даже даются советы «как выбрать гуру»²¹.

Трансцендентальная медитация и другая духовная восточная техника стала обычным делом; медитировать можно по дороге на работу, где, кстати, проводятся соответствующие курсы. Таким образом, западный человек по-прежнему смотрит на Восток. И до тех пор, пока Восток будет держать свое обещание — дать мир и наделить смыслом и значимостью - люди, вероятно, будут откликаться. Что они получают? Не просто восточную повязку для поцарапанвшегося Запада, а, быть может, целое мировоззрение и образ жизни.

